

**Св. Папа Пий Х
и Русская Католическая Церковь**

(Россия и Вселенская Церковь, № 3-4, 1954, стр. 29-34).

Св. Папа Пий X и Русская Католическая Церковь

(Россия и Вселенская Церковь, № 3-4, 1954, стр. 29-34).

Необходимо дать несколько предварительных объяснений.

История католицизма в России может быть разделена на два очень неравных и неравнозначных периода. Во время первого, т.е. до конца XIX века, католическая миссия в России ставила себе целью обратить к истинной вере и к истинной Церкви иноверный, скажем, еретический, вне Церкви находящийся, то есть схизматический русский народ. Дело ограничивалось обычно индивидуальными обращениями, при чем «переход», как говорили тогда, в католичество отчетливо осознавался, как действительный «переход» в иную, чужую веру, как отказ от веры отеческой. Поэтому многие «переходившие» в католичество до последнего десятилетия XIX в. действительно «переходили»: они отказывались от русской церковно-религиозной культуры, принимали иной, чуждый русской культуре, иностранный латинский обряд.

Все изменилось после трудов В. С. Соловьева (1853-1900). Глубокое и подробное изучение вопроса привело В. С. Соловьева к следующим выводам: 1) Так называемого «разделения церквей» в формальном смысле слова никогда не происходило: существующее разделение между Св. Престолом и Востоком есть разделение фактическое, а не юридическое, *de facto*, а не *de jure*. 2) Что касается тех положений римско-католического вероучения, которые, как принято думать, противны Православию (речь идет, главным образом, о безошибочности папского вероучительного авторитета, о «филиокве», о Непорочном Зачатии Пресвятой Девы Марии), то ни одно из этих положений никогда не было осуждено никаким общепризнанным и обязательным для всех православных авторитетом, в частности, ин одним Вселенским Собором. 3) Мало того, те же, будто бы противоречащие Православию истины положительно содержатся в восточно-православном предании, как святоотеческом, так и литургическом, а потому всякий православный, осознавший свое православие, должен быть, вместе с тем, и католиком.

При таком воззрении, присоединение русского православного человека к католицизму никоим образом не является « переходом », а лишь исполнением своего же православия; не только нет никакой « измены » вере, а, наоборот есть исполнение верности вере. Не католицизм приходит и « отвращает » или « совращает » нас и з в н е от « своей » веры, а мы, идя и з в н у т р и « своей » веры и основываясь на ней, совершаем ее в католицизме. Ибо католицизм — православно, и православию — католично.

Со времени усвоения соловьевских идей возник вопрос о создании Русской Католической Церкви или, вернее, Православно-Католической Церкви, с признанием православия или правоверия Католицизма и с сохранением всего подлинно-православного предания, включая обряд, мистику, дисциплину, словом включая внешнюю и внутреннюю сторону истинного восточного православия.

Препятствием на пути осуществления этой цели, то есть на пути создания истинной Православно-Кафолической (или Католической) русской Церкви стояло, прежде всего, русское законодательство. Оно всегда признавало начало веротерпимости, но основы веротерпимости всегда были связаны с национально-этническим принципом. Поскольку к государству, на протяжении истории, присоединялись те или иные нерусские народности, то этим новым присоединявшимся народностям разрешалось сохранять веру их отцов. Никогда русское государство не переводило насильно в православие калмыков, киргизов, татар, сибирских инородцев или, из христиан, — католиков литвин, поляков или прибалтийских немцев... Каждый из них мог свободно исповедовать свою веру и укреплять ее среди своих, мог и переходить в иную веру. Только христианам запрещалась переходить в нехристианскую веру. Словом, присоединившихся к России инородцев не заставляли изменять вере отцов. Но законодательство не допускало, чтобы коренное население, чтобы р у с с к и е могли уходить из православия в какую бы то ни было другую веру. Здесь никакой веротерпимости не было. Ни один православный не мог стать ни католиком, ни протестантом, ни, тем более, иудеем, магометанином или язычником. Надо сказать, что в этом вопросе государство покровительствовало не только р у с с к и м православным, но и православным вообще. Для православного грека или для православного румына, проживавшего в России, путь в и н о с л а в и е, в католицизм, протестантство и т.д. был так же закрыт, как и для русского. Наконец, дети, родившиеся от смешанных браков с православными, должны были быть крещены и воспитаны в православии, в чем от брачующихся отбиралась подписка, даже и в том случае, если один из них был иностранец. Напр., француз-католик, женившийся в России на православной, обязан был дать подписку в том, что все дети будут крещены и воспитаны в Православии.

Положение изменилось после Высочайшего Указа о веротерпимости 17-го апреля 1905 г., по которому каждый совершеннолетний русско-подданный имел право исповедовать любое христианское вероучение. «Переход» в католичество стал, таким образом, законным.

Но возникал новый вопрос. Католическая Церковь в России действовала на основании официальных соглашений Российского Правительства со Св. Престолом. Эти соглашения представляли возглавление Католической Церкви в России архиепископу Могилевскому, проживавшему в Петербурге, всегда поляку. Вся эта Церковь была, конечно, латинского обряда. При этих условиях не приходилось и думать ни о создании Русской Католической Церкви русско-православного обряда, ни даже об образовании русского католического духовенства. Обстановка к официальному открытому улаживанию всех этих трудностей была более чем неблагоприятна. Фактически представлять и защищать интересы русских католиков было некому. Их официальный глава, будучи поляком, весьма боялся вмешиваться в русско-католические дела, и это вполне понятно. В силу всех этих обстоятельств Папе Пио Х приходилось руководить делом русского католичества в негласном порядке, так что большинство бумаг не проходило даже через Государственный Секретариат. Все дела относящиеся к Русскому Католицизму Пий Х вел обыкновенно непосредственно через владыку Андрея Шептицкого, митрополита Киевского и Галицкого.

Важно, прежде всего, отношение к форме богослужения, к сохранению восточного, греко-русского обряда. Русские католики, основоположники русско-католического дела, отстаивали необходимость обязательного сохранения греко-русского обряда. Так смотрел на дело в особенности будущий экзарх русско-католической Церкви, о. Леонид Федоров. Многие из представителей Русского Правительства смотрели на дело иначе. В ноябре 1907 г., когда Сазонов был представителем Русского Правительства при Ватикане, Федоров, тогда еще не бывший священником, беседовал с ним на эту тему. Сазонов, боясь полонизации русских католиков, считал что бороться с возможностью такой полонизации нужно не путем введения для русских католиков греко-русского обряда, а путем введения в латинский обряд дополнительных богослужений и проповедей на русском языке, как это делается у поляков и у литовцев. По словам Сазонова, такое разрешение вопроса вполне соответствовало бы видам русского правительства: с одной стороны, вследствие введения русского католического духовенства, русской проповеди и дополнительных богослужений на русском языке латинский обряд будет руссифицирован и будет устранена опасность полонизации русских католиков. С другой стороны, недопущение для русских католиков восточного обряда, спасет православие, так как русский народ в массе, конечно, в западный

обряд не перейдет. В умах русских еще сильнее укрепится убеждение, что католичество — это латинство. Устранение же восточного обряда спасет и от украинофильства, которое могли бы принести униаты из соседней Галиции.

Так говорил Сазонов в Риме в начале ноября 1907 г. И так русское Правительство сочувствовало латинизации. По словам того же Леонида Федорова, Сазоновскому прозку весьма сочувствовали и многие представители влиятельных ватиканских кругов. Он весьма боялся и за настроения кардинала Мери-дель-Валь, весьма, по словам Федорова, сочувствовавшего латинизации русской Церкви. Говорили уже и о некоторых деталях : предлагали, например, ввести оргán.

Но Папа думал не так. Из писем Федорова к митрополиту Шептицкому (письмо от 27-го мая из Ананьи, 1907 г.) мы узнаем что на аудиенции данной двум ассомпционистам, о.о. Evrard и Beaurain, Папа открыто и определенно заявил им, что единственно возможный путь проповеди в России это — через священников русского восточного обряда. И Федоров пишет о необходимости принять меры против перехода русских в латинский обряд без папского разрешения.

Очень скоро Бог ответил на его пожелания.

В июне месяце 1907 г. в Рим приехал русский католический священник отец Зерчанинов со специальною целью добиться особого распоряжения Папы для русских оставаться в своем восточно-русском обряде. Папа высказался по этому вопросу совершенно ясно и определенно : кроме случаев особо-затруднительных, Церковь никогда не позволит перехода из восточного обряда в латинский.

В октябре того же 1907 г. Федорову сообщил кардинал Вивес о том, что Папа бесповоротно решил запретить переход в латинский обряд всем русским, которые присоединяются к католичеству. Только в случае крайней необходимости русскому католику будет разрешаться временно следовать латинскому обряду.

Но воля Папы Пия X не смогла получить формы обязательных распоряжений по понятным причинам : по причинам отсутствия официального соглашения по этим вопросам с русским правительством, которое, как мы только что видели, явно противилось свободе исповедания в России Католичества русского восточного обряда.

Но Папа Пий X не ограничивался утверждением необходимости введения в Русской Католической Церкви именно русско-восточного обряда и т о л ь к о этого обряда. Он счел необходимым также указать, что обряд этот должен быть сохранен н е и з м е н н ы м, нетронутым. В одном из писем, адресованных кардиналом Мерри-дель-Валь от имени Папы на имя епископа Стефана Денисевича, администратора Могилевской Митро-

полии, ясно указывается, что восточный обряд в Русской Католической Церкви должен быть сохранен в полной неприкосновенности, « без прибавлений, без убавлений и без изменений » « *nes plus nes minus nes aliter* ». Об этом папском указании напоминает митрополит Шептицкий в своем письме к кардиналу Мерри-дель-Валь (письмо от 22 дек. 1913 г.). О нем же упоминает в одном из своих писем (от 11 февр. 1913 г.) известная русская католическая деятельница Наталья Сергеевна Ушакова. К сожалению, в имеющихся у нас архивных данных нет указания даты распоряжения « *nes plus nes minus nes aliter* ». Но это не уменьшает значения указанного распоряжения Папы и не колеблет истинности нашего сообщения.

Первой ячейкой Русской Католической Церкви Русского Восточного обряда была маленькая домовая церковка, устроенная русским католическим священником о. А. Зерчаниновым в своей комнате, в доме русской католички, сестры милосердия Варвары Антоновны Тимофеевой, в Петербурге, на Петербургской стороне, на Полозовой улице, в д. № 12. Богослужения там стали совершаться после манифеста 17 октября 1905 г.

Однако все это происходило неофициально. Русские католики стремились иметь с в о й храм восточного русского обряда, на вполне законном официальном основании, как всякая иная церковь. Начались хлопоты, которые вела все та же неутомимая Н. С. Ушакова. Она разговаривала об этом со Столыпиным (в сент. 1909 г.), указывая что разрешение Восточного обряда для русской католической Церкви совершенно необходимо для полного располячения ее. Судя по письмам Ушаковой, Столыпин, отнеся к делу в общем, весьма сочувственно, однако в Департаменте Иностр. исповеданий было хуже : там, указывали, например, что и Рим, будто, против введения восточного обряда для русских католиков. Дело решено не было, но Столыпин дал устное обещание, что открытую маленькую церковь не закроют. Дело об официальном открытии Русской Католической Церкви продолжалось. Препятствия и возражения исходили, главным образом, от Св. Синода. В январе 1912 г. Ушакова была у министра Внут. Дел Макарова. Она пыталась объяснить министру, что, с точки зрения юридической, русские католики не просят большего чем то, что давным давно предоставлено даже и целому ряду инородцев : они желают тех же прав, которыми пользуются немцы, французы, поляки — т.е. права иметь свою церковь, своих священников. « Отчего же вы не идете во французскую церковь? » спросил министр. « Да потому что там нам нечего делать, потому что мы не французы, а русские... Что поляки против нас, это понятно, ибо мы существуем для того, чтобы препятствовать полонизации наших братьев, русских католиков, но отчего нас гонит правительство, раз мы верноподданные и ни в какую политику не вмешиваемся? » После этого, в ответ на просьбу о разрешении общественного богослужения последовало

распоряжение о наведении подробной справки о политической благонадежности просителей.

30 сентября 1912 г. Церковь все же была открыта официально ⁽¹⁾, но без каких-либо гарантий. К тому же Церковь эта не имела официально никакого возглавления, так как официальный глава католической Церкви в России Митрополит Могилевский Ключинский ни с какой стороны не был заинтересован в поддержке Русского Католического движения восточного обряда. Священником новой церкви был И. А. Дейбнер, отношения которого с митроп. Ключинским были крайне натянутыми; по временам они смягчались, очевидно, в связи с получаемыми митрополитом указаниями от кард. Мерри-дель-Валь, то есть от Папы.

В воскресенье 10-23 февраля 1913 г. после совершения проскомидии в Церковь вошел монах, оказавшийся, как потом выяснилось, еп. Никандром, викарным епископом митроп. Владимира С. Петербургского. Он привел с собою полицию и произнес несколько анафем. Церковь была закрыта; впрочем, Мин. Внут. Дел соглашалось на открытие Церкви вновь, но при одном условии, чтобы что-нибудь изменить, чтобы было не так, как у православных. Так кончилась попытка создания Русской Католической Церкви в России при Папе Пии X.

Тем не менее эта Церковь, хотя бы в зародыше, была все-таки Папой организована. Во главе этой Церкви, как и вообще во главе всего дела был поставлен митрополит Андрей Шептицкий. Полномочия, данные ему Папой в общем являлись утверждением тех положений, которые в свое время были высказаны известным бенедиктинцем Ван-Калуном ⁽²⁾.

М. Гаврилов.

(1) На Бармалеевой улице, на Петербургской стороне.

(2) См. его статью «Rome et la Russie». В «Revue des deux Mondes», № от 14 декабря 1894 г.